

Сокровище короны

Автор:

Валерия Вербинина

Сокровище короны

Валерия Вербинина

«Граф Вермандуа покачал головой.

– Боюсь, я не смогу выполнить вашу просьбу, госпожа баронесса, – сказал он. – Конечно, ваши доводы чрезвычайно убедительны, но...

– Я могу представить вам еще более веские доводы, – перебила его собеседница...»

Валерия Вербинина

Сокровище короны

1

Граф Вермандуа покачал головой.

– Боюсь, я не смогу выполнить вашу просьбу, госпожа баронесса, – сказал он. – Конечно, ваши доводы чрезвычайно убедительны, но...

– Я могу представить вам еще более веские доводы, – перебила его собеседница.

Это была хрупкая, изящная, совсем еще молодая женщина с белокурыми волосами и карими глазами, в которых вспыхивали золотые искорки. Любой портретист, каким бы пресыщенным он ни был, дорого бы дал, чтобы запечатлеть столь прелестную особу в голубом платье на фоне обитого бледно-зеленым шелком кресла, среди старинной обстановки замковой гостиной, где причудливо соседствовали резная мебель, инкрустированные перламутром столики, расписные ширмы, тяжелые канделябры и картины в потемневших от времени рамах. Однако граф Вермандуа не был портретистом. Он лишь поглядел на свою собеседницу и спросил, пряча в усах снисходительную улыбку:

- И насколько же более веские доводы вы готовы мне представить?

Баронесса пожала плечами.

- Десять тысяч франков сверх установленной цены, - сказала она. - Впрочем, как я уже вам говорила, данный вопрос мы еще можем с вами обсудить.

Граф Вермандуа, сорокалетний брюнет, тонкий и гибкий, как английский хлыст, вздохнул. Он с детства не любил разговоров о деньгах. Тогда за этими разговорами невидимой тенью маячили крах, разорение и утрата семейного гнезда - мрачноватого замка к северу от Парижа, который принадлежал роду Вермандуа со времен короля Франциска, то есть с XV века. Однако странная антипатия ко всему, что связано с деньгами, вовсе не помешала графу десять лет назад жениться на единственной наследнице владельца сталелитейных заводов, после чего он заново отстроил полуразрушенный замок и стал задавать вечера, на которые съезжалась едва ли не вся парижская знать. Между делом граф изобрел новый рецепт приготовления филе косули, так что можно считать, что ему удалось обессмертить собственное имя. И все же любое упоминание о меркантильной стороне бытия по-прежнему претило ему, аристократу, возводившему свой род к одному из сыновей Генриха I и Анны Киевской. На лице графа появилась скучающая гримаса.

- Вынужден разочаровать вас, госпожа баронесса, - промолвил он, - но розовый бриллиант королевы Клод не продается, и я не стану делать исключения даже для русского императора. Я купил камень у ван Марвийка, чтобы подарить его жене на десятилетие нашей свадьбы, и решения не изменю. Так что не вижу, чем бы я мог помочь вам, госпожа баронесса.

Госпожа баронесса Амалия Корф подавила в себе сильнейшее желание швырнуть в голову этому учтивому господину с водянистыми глазами и бесцветным голосом что-нибудь тяжелое и вновь принялась повторять свои доводы. А они были весьма серьезные. Ван Марвийк не имел права продавать камень, что месье графу должно быть отлично известно. Бриллиант был отдан голландцу в залог, и ван Марвийк продал его, поправ все договоренности. По сути дела, продавец поступил незаконно. Так неужели граф Вермандуа будет потворствовать его действиям?

А граф, поправляя запонку на манжете, все тем же тихим, невыразительным, невыносимым голосом ответил, что ван Марвийк, насколько ему известно, никаких законов не нарушал, что сам он приобрел у него камень совершенно легальным путем и продавать его никому не собирается. Его жене Элен прекрасно известно, какой именно подарок он собирается ей преподнести, и граф не станет разочаровывать столь превосходную женщину, которая, вне всяких сомнений, достойна не только сокровища короны, каковую украшал когда-то розовый бриллиант, но и самой короны вообще.

Видя, что тут ей ничего добиться не удастся, Амалия поднялась с кресла и пожелала графу всего наилучшего. Ее собеседник, впрочем, успел взять с нее слово, что она окажет ему честь побывать на праздновании десятилетия его свадьбы, где ожидается никак не менее сотни гостей.

– Непременно, сударь, – сказала Амалия, – даже не сомневайтесь.

И она покинула залитую солнцем гостиную, причем даже трен ее платья шуршал с каким-то особенным возмущением, когда она спускалась по лестнице.

Выйдя из замка, Амалия почти сразу же увидела юношу, который стоял возле пруда, щурясь на солнце. Юноша был одет как парижский денди и то и дело бросал любовные взгляды на золотую цепочку жилетных часов, отбрасывающую сверкающие блики. Светловолосую его голову венчал цилиндр, а во рту у незнакомца была сигара толщиной с его талию. Несколько портил впечатление только оттопыривающийся внутренний карман, содержимое которого немало озадачило бы любого постороннего человека, если бы ему взбрела в голову неожиданная фантазия туда заглянуть. В кармане покоился превосходный американский револьвер.

Завидев Амалию, юноша хотел было спрятать сигару, но не успел. Баронесса Корф подошла к нему и выхватила сигару у него из пальцев.

– Сто раз говорила, чтобы ты больше не курил, – проворчала она по-английски. – Нельзя, ну никак нельзя тебе курить с твоими-то легкими! И доктора говорили, что тебе это противопоказано! Или тебе захотелось обратно в санаторий?

Юноша покосился на белую бабочку, которая вилась возле кустов сирени, застенчиво чихнул и потер нос, чего настоящий денди никогда бы не сделал. Теперь, когда он стоял рядом с Амалией, их можно было принять за брата и сестру – настолько они казались похожими друг на друга.

– Иногда табачку хочется, – объяснил молодой человек, оправдываясь. – А сигара больно хороша. Ну, что он сказал?

– Ничего, – сердито фыркнув, отрезала баронесса Корф. – Идем!

– Неужели отказался? – поразился юноша.

Амалия поморщилась.

– Я предложила ему едва ли не больше, чем камень стоит, – с горечью проговорила она. – Но граф не хочет его продавать.

– А я-то думал, ни один богач не откажется стать еще богаче, – вздохнул юноша. – Что будем делать теперь?

– Действуем, как условились, Билли, – отозвалась Амалия. – Раз уж план номер один провалился, перейдем к плану номер два.

– Я так и думал, – качнул головой подозрительный денди, откликающийся на имя Билли, и зачем-то тронул ручку револьвера в кармане.

Амалия заметила, что все еще держит в руке отнятую сигару, и, размахнувшись, швырнула ее в кусты, после чего взяла своего спутника под руку и двинулась вместе с ним прочь от того места, где происходил разговор.

Она не видела, что отброшенная ею сигара упала к ногам человека, стоявшего за кустами. На вид ему было лет двадцать пять, и его худое лицо с птичьим носом не покидала печать уныния, которая нередко встречается у людей одиноких, неустроенных в жизни или таких, которые занимаются не своим делом. Одежда на незнакомце была мешковатая, словно с чужого плеча. Он вздохнул так, что листья сирени заколыхались, наклонился и подобрал сигару.

- Любопытно, - пробормотал мужчина себе под нос, обращаясь не то к кусту, не то к сигаре. - Оч-чень любопытно.

- Эй, Гиварш!

Стоящий за кустами вздрогнул и выронил сигару. С другой стороны пруда к нему шел нагруженный дюжиной удочек молодой блондин. Когда он подошел ближе, стало видно, что у него зеленоватые глаза, опущенные красивыми ресницами, и широкая, располагающая к себе улыбка. Светлые волосы торчали дыбом на голове блондина, как иголки ежа. Он улыбнулся и мокрой рукой пригладил их.

- Ты что тут делаешь, дружище? Что, из замка утащили пару золотых ложек?

Гиварш знал рыболова - это был Леон Улье, мелкий репортер, писавший заметки для какой-то парижской газеты из разряда тех, что столичные жители непочтительно именуют «капустными листками». Сейчас Леон находился на отдыхе, и его частенько видели возле реки, где он сидел со своей удочкой. Однако, несмотря ни на что, он все-таки был репортером, а Гиварш хорошо помнил инструкции начальства на случай общения с прессой.

- Да нет, ничего не утащили... - промямлил он в ответ на вопрос Леона. - А ты как, поймал что-нибудь?

Леон предъявил ему ведро, в котором барахталась разнокалиберная рыба, и уныние на лице Гиварша сменилось завистью. Самому ему никогда не удавалось поймать даже ничтожного пескаря.

- На реке сейчас хорошо, - сказал репортер, вытирая лоб. - И чего ты тут торчишь? Шел бы лучше со мной. Знаешь, какую уху жена Робера варит из речной рыбы?

Робером звали местного кабатчика, а его жена Марион, по заверениям местных жителей, стряпала едва ли не лучше графского повара.

Чуя в душе адский соблазн, Гиварш строго поглядел на сигару, валявшуюся в траве, и, не поднимая головы, ответил, что не может покинуть пост. И вообще...

– Ну так бы и сказал, инспектор, что ты на работе, – несколько обиженно пробурчал репортер. – Что, граф поручил тебе приглядеть за своей женой?

– Не в том дело, – вздохнул инспектор Гиварш. – Нас из Парижа предупредили, что господин граф... что нужно быть осторожнее... – Он спохватился и недоверчиво поглядел на Леона. – Ты никому не расскажешь?

Репортер заверил его, что будет нем, как телеграфный столб, и успокоившийся Гиварш поведал приятелю страшную тайну. Мол, в Париже прознали, будто какой-то мазурик хочет утащить у господина графа розовый бриллиант, который тот недавно купил. Поэтому местную полицию, то есть Гиварша, и предупредили, чтобы он держал ухо востро.

– Можно подумать, это так просто, – ворчал инспектор полчаса спустя, когда они с Улье были уже в заведении папаши Робера, и в очаге под присмотром Марион варилось нечто рыбное, источавшее восхитительный аромат. – Через неделю у них торжество – бал-маскарад, видишь ли, затеяли... Гости отовсюду съезжаются, прислуга то и дело меняется, одного рассчитали, другого взяли, а я за всеми уследить должен. И посетители... – Гиварш вспомнил даму в голубом платье и ее спутника, который держал в кармане явно не трубку для курения, и осуждающе покачал головой.

– Так что, все это заварилось из-за того розового бриллианта? – спросил Леон с любопытством. – Что же там за бриллиант такой...

2

– Как вам известно, господа, большинство французских королей – я не говорю уже о фаворитках, таких как мадам де Помпадур или госпожа де Ментенон, –

оставили свой след в истории, и порой – довольно значительный. Мы все помним, к примеру, Екатерину Медичи, жену Генриха II. Ее время полно темной романтики, заговоров. Отравленные перчатки для врагов, инспирированная ею Варфоломеевская ночь и бесславный конец всех, кого она любила, и так далее. А Маргарита Наваррская, ее дочь, жена Генриха IV? О жизни этой дамы, полной любовных приключений, можно сочинить не один роман, чем с переменным успехом занимаются многие господа беллетристы. Что уж говорить об Анне Австрийской, жене Людовика XIII, или о Марии-Антуанетте, прекрасной королеве, которая кончила свои дни на эшафоте... – Голос рассказчика дрогнул, водянистые глаза на мгновение увлажнились. – И среди блестящей плеяды женщин, которые создали Францию – да-да, именно так, господа! – среди этой плеяды затерялось одно имя. Вы уже поняли, о ком я говорю, – именно о ней, о королеве Клод. Она была первой женой великолепного Франциска I, который в глазах историков совершенно затмил ее. В самом деле, господа, кто не слышал о человеке, который, проиграв важнейшую битву, сказал, что все пропало, кроме чести? Кто не видел «Джоконду» в Лувре, картину, которая оказалась у нас лишь благодаря тому, что именно король предоставил приют старому флорентийскому художнику, известному Леонардо да Винчи? И вот, с одной стороны, знаменитый король, воин, меценат, покровитель живописи и искусства, а с другой – молодая женщина, его жена Клод, которая не была известна ни своими экстравагантными выходками, ни своими похождениями, которая в жизни не была замешана ни в одном скандале и даже не покровительствовала литераторам или художникам. Просто женщина, дамы и господа, просто королева Франции, которая прожила только двадцать пять лет и умерла молодой, королева, о которой забыли почти все историки. Но можем ли мы говорить, что после нее и в самом деле не осталось никакого следа? Я не говорю здесь о том ученом, который назвал в честь скромной королевы сорт слив – ренклюд. Нет, я хочу напомнить вам о камне, который когда-то являлся частью сокровищ французской короны, камне, который король Франциск в далекие времена преподнес в дар своей жене и который с тех пор называется розовым бриллиантом королевы Клод. Дамы и господа, этот камень перед вами!

Взволнованный своей длинной и немного путаной речью, граф Вермандуа открыл ларец, который держал стоявший возле него невозмутимый дворецкий, и извлек оттуда золотое ожерелье, в центре коего выделялся розовый камень, заостренный с обеих сторон. Толпа масок, дам в бархатных платьях, ряженых императоров, шутов и чертей ахнула и одобрительно загудела. Щеки графа порозовели, и он поднял ожерелье так, чтобы его можно было видеть отовсюду. Розовый бриллиант сверкал, переливался и разбрызгивал разноцветные искры.

– Великолепное, уникальное, неповторимое украшение! А теперь, дамы и господа... Я дарю его лучшей женщине на свете!

Граф подошел к своей жене и, встав на одно колено, протянул ей ожерелье со сверкающим бриллиантом. Кто-то из гостей крикнул «Браво!», и зал бешено зааплодировал, пока графиня Вермандуа, надев ожерелье, пыталась застегнуть его. Поднявшись с колен, граф пришел ей на помощь. Со всех сторон летели возгласы:

– Великолепно!

– Изумительно!

– Восхитительно!

– Вот что значит любящий муж! Ах, такие в наше время встречаются все реже!

Последние слова произнесла огромная рябая бабища в черном платье, которое призвано было сделать ее стройнее, но на самом деле наводило на мысли об артиллерийской пушке, прикрытой чехлом. Мадам громко вздохнула, обмахиваясь веером, и послала щуплому светловолосому юноше в ковбойских штанах томный элегический взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/verbinina_valeriya/sokrovische-korony

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)